
Алексей БОЛОТНИКОВ

На юге Красноярского края есть старинный город Минусинск. А неподалеку, минут двадцать на машине, не менее старинное село Тесь. Въезжаешь в него, и сразу понятно: люди любят и уважают место, в котором живут. Чистые улицы, ухоженные усадьбы. Быть может, потребность в чистоте привили ссыльные — отправляли сюда и декабристов, и народников, и марксистов. Взрастала здесь и местная интеллигенция — не раз бывали (а точнее — живали) молодыми людьми Геннадий Юдин, известный красноярский библиофил, художник Суриков...

Сейчас живет в Теси барабанщик всемирно известной (надеюсь, не преувеличиваю) музыкальной группы «Ят-ха» Евгений Ткачев, ну и вот писатель Алексей Болотников.

Мы познакомились около трех лет назад, когда собирали первый номер альманаха «Енисейская Сибирь», объединивший литераторов трех регионов России, расположенных по берегам Енисея: Тувы, Хакасии и Красноярского края. Но стихи Алексея Константиновича я встречал давно в сибирских журналах, в альманахе «Тесинская пастораль» — явления редкого для села в две с небольшим тысячи жителей. Но не число людей важно, а их качество. В Теси много тех, кто занимается творчеством. Пишет, рисует, режет по дереву...

Рад, что подборка стихов Алексея Болотникова выходит в одном из лучших российских «толстяков». Знаю, что от поэзии сейчас многие требуют оригинальности в плане формы; стихи сюжетные считаются дурным тоном, проникновенность и душевность у так называемых специалистов вызывает ухмылку. Уже и рифму не жалуют.

Стихи Болотникова в основном традиционны по форме, во многих есть сюжет, они берут за душу. По крайней мере, меня и моих знакомых.

В Красноярском крае и окрестностях читатели Алексея Болотникова знают. Надеюсь, публикация в «Неве» прибавит ему читателей и здесь — на земле западнее Урала.

Роман СЕНЧИН

ФЛЮИДЫ ДЕРЕВЕНСКИЯ

Кочегарит зима,
Подпирая полнеба столбами.
Деревенский дендрарий дымов
На канун Рождества.
Ах, деревня моя!
Моя связь с родовыми гробами,
Признаю за тобой
Свои древние корни родства.

Алексей Константинович Болотников родился в 1950 году в селе Тесь Минусинского района Красноярского края. Окончил Иркутский политехнический институт. Работал геологом, старшим геологом и старшим геофизиком, начальником отрядов и участка, с 1996 года работал на Минусинском радио (корреспондент радио, диктор). Начал печататься в студенческие годы. Публиковался в местных и центральных периодических изданиях. Автор книг стихов и прозы «Очарование розой ветров», «Поэты местные — мессии», «Гать», «Экспедиция называется...». Его произведения размещены на литературных порталах в Интернете. С 2000 года живет в селе Тесь.

Попаду на гулянье,
Под гулкую блажь самогона
Забреду в сеновал,
Как корова, сломавшая жердь.
Отпусти меня, город, сюда!
Отпусти на полгода...
Только на ноги встать,
Только вспомнить земельную твердь.
Провалившись в сугроб,
Обнимаю мохнатое рыло...
Я люблю этот снег,
Это тканое чудо плетня...
...Зацепило меня дрекольем,
Как гвоздем зацепило.
Неужели, деревня,
Ты все еще помнишь меня?

* * *

— Ты Ленка? Ты правда вернулся?	Уехавших в город давненько
И снова сюда... насовсем?	Учиться конкретным вещам...
— Сорвался с таежного курса?	Вернулся не рваным, не пьяным,
— С маршрута сошел, Алексей?	Не конченным вечной нуждой.
«Наверно... возможно... посмотрим...» —	Возможно, немножечко странным
Я вам отвечал невопад.	И... обремененным виной.
И рад был тому, что усмотрен,	Виной — не виной... Сожаленьем
И узнан, и принят назад.	За четверть — вторую — годов,
Какое счастливое чувство:	За службу до самосожженья
Открыть интерес земляков	У лживых идей и богов.
К себе, не к персоне искусства,	Вернулся обросшим телесно
Не к автору беглых стихов,	И отягощенным душой.
К тому деревенскому Ленке,	Я дома. Сельчане, мне лестно:
Из прежних односельчан,	Вы интересуетесь мной.

* * *

Новый статус пробую: сельчанин.
Сено, сани, печь... Иконостас.
Через тын февральскими ночами
Шуберт выюжит, громыхает Брамс.
Облачаясь в шубу, за ограду
Выхожу я, сельский человек.
В меру пьян, куражлив до упаду.
И влюбленный в этот лунный снег.
Гей, мороз, щипни меня за щеки,
Испытай на дюжесть сизый нос...
Думал, городские человеки
Задохнутся от лихих угроз?

Думал, городские сопли жиже?
А душа затравлена постом?..
Э, пойду в гумно, надену лыжи!
Или, может быть, еще... грамм сто?
Отчего ж не выпить яд столичный,
Как бальзам от моровой тоски?
От судьбы общественной и личной
Отчего ж не покусать куски...
Жжет студёный хиус с Енисея.
Зычным «Енисеюшкой» поет...
«Я твой хор! Услышь меня, Расея?!»
Ан не слышит... Дремлет. Или пьёт.

* * *

...Вот пришкольный амбар,
Где пришкольная мудрая лошадь
Обитает, как призрак из шестидесятых годов.
— Но-о, Пегас деревенский! —
Трусит по осенней пороше.
Вдохновению служит и бздит заготовками дров.
Вот и кузня и двор, где ковали коней златокудрых,
Где и мы, пацаны, наковальням обмяли бока.
Кузнецы тех эпох были зело и обло премудры:
Доверяли и нам, пацанам, хлеб и соль ремесла.
Ничего уже нет: кузнеца, наковальни и кузни.
Пацаны и девчонки по клавиатуре стучат.
Мир их стал безграничен. А жито, а запах Отчизны
Не заменит, увы, виртуальный, бесчувственный чат.

* * *

Собираются люди на сход.
Сход, конечно, не инаугурация.
И вопрос на повестке не тот,
И не время теперь собираться,
И не любит собранья народ:
За него решено — полагает он,
Демократия — хитрый урод:
Жрет у бедных. А служит богатым.
Дел домашних невпроворот:
То штаны залатать, то заплот.
По весне распочать огород...
Ну а сход?.. «Формализм и трепло!»
Впрочем, власть отчитаться должна.
По уставу положено ей.
Ни язык не болит, ни спина.
Да к тому же ей, власти, видней,

Как спасти умирающий бор,
Куда мусор накопленный свезть.
Почему, наконец, до сих пор
Не обрежут тарифы на свет?!
...Собираются люди на сход.
Надо телку пристроить в табун.
И идут: тетя Маша, Федот,
Гаврилюк, неумный трибун,
Председатель, и зам, и пастух,
Как всегда, дядя Ваня Сахно...
До других не дошел пока слух:
«После схода покажут кино».

* * *

Тары-бары-растабары...
По Теси бродили пары
И полночные Стожары
За околицей их ждали.
По Теси блудили парни
Мимо кузницы и почты,
В поисках любовной почвы
Обмочив углы амбара.
Парни Болкины, лихие,
С тыквой в полночи торчали.
Звезды падали стихийно.
В клубе шло кино о Чарли.
По Теси бродил Натыра
Санька, с фермы старожил.
Узкоглазый сын батыра,
Сельских девок сторожил.
Савин младший, старший Савин
(по прозвищу Бандит) —
Тоже с ферменских окраин,
Как с космических орбит.
— Савин Ленька?
— Ленька Савин!
Леонид Георгиич...
— Эка личность!.. Парень славный
В чередке тесинских лиц.
Даниленко, чижик-пыжик,
Разрешавший все сплеча.
Зайцев... тот, который выше,
Морда просит кирпича...
Где вы, парни золотые?
Где те годы молодые,
Ночи, дни и вечера,

Отшумевшие вчера?
Где курчавый тот теленок?
Где вы, нежности телячьи?!
А друзья мои с пеленок,
Что ж, старее старой клячи?..
Ах, о чем, о чем печали...
Что печалиться, друзья!
Кончилось кино о Чарли.
Брезжит новая заря.

ФЛЮИДЫ СИБИРСКИЕ

Вот она, провинция! И море...	Идет направо — истину оспорить:
Морю рукотворному не верь!	«Провинция — поэма перепевов»...
Умный кот бредет по лукоморью,	— Провинция — надежда и опора!..
Строчкой побирающийся зверь...	(И, проиграв суды, идет налево...)

Идет-бредет по городам и весям,
И хвост задрав, и вознося ученость,
По лукоморью в гордом равновесии,
Провинцией на веки обреченный.

ВЕСНА

Голые кустятся доли степи,
В заветерьях распускаясь цветом.
Теплит солнце их, и камни теплят,
Распуская по полянкам лето.

* * *

Дар березы — березовый веник,
Чага, или сувельный кап...
Под ножом из березовой вены
Кровь зеленая кап... кап... кап...

* * *

Березочка, тонкое деревце,	Уже не на кого надеяться.
Как струна под пальцами ветра,	Уже реки ржавеют и ветры,
Ты звучишь, западая в сердце	Ты, березочка, девушка-деревце,
Мне — молитва новозаветная.	Отведи волжбу и наветы.

Березочка, милая девушка,	Расцветая весенней прелестью,
В пору утреннего вставания	Зашуми, разбуди Расею...
На тебя одну уповаю я —	На тебя лишь одну надеюсь,
Мое деревце воскрешения.	На святое деревце-деву.

ОСЕНЬ

Кто там?.. Гости. Хлябь и слякоть.
Мнется осень в колушке.
Выходи, мол, небо пахнет
Хмарью, ссохшейся в мешке.
Выхожу на панихиду
По поникнувшим богам...
Хор ли плачет... гром ли ропщет —
Трубных плакальщиц орган.

* * *

Тратит осень за окном
Утлые пожитки,
Прибираясь перед сном,
А уже не жить ей...
А уже костер пожух
Из рябины красной.
И пророчит гиблый дух
Ворон громогласный...

* * *

Тычется пестик в соцветье тычинок,
Топчутся парни в альковах девичьих.
Тупо поэты взирают на тропы.
Кошки исходят стихами на случках.

Пестики тупятся самозабвенно.
Девичьи слезы цветут по обличью.
Сонно поэты кошачие бродят.
Ночью плодятся стихи.

ФЛЮИДЫ СТИХИЙНЫЕ

Опалите мне душу до смертного пала.
Цинизм — как напалм, как бесстыдство — беда.
Не пашней — водой океанского вала —
Душа умерла средь пустыни стыда.